

С. В. Кабышев

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Диалектика права и силы в контексте современных вызовов и российского социокультурного опыта

Резюме. В статье исследуется центральная проблема современности — диалектическое соотношение права и силы. Автор критикует либеральную парадигму, которая редуцирует данное соотношение к оппозиции (антагонизму), сводя (в конечном счете) право к инструменту защиты индивидуальной свободы, а силу — к угрозе. Такой подход, по мнению автора, ведет к кризису правопонимания, разрыву между формальным законом и глубинными правовыми устоями, а также утрате государством субъектности и коллективных целей. В противовес этому предлагается рассмотреть право и силу как взаимозависимые начала: право нуждается в силе для обеспечения своей исполнимости, а сила — в праве для своей легитимации. Ключ к их гармоничному синтезу автор видит в учете национального социокультурного контекста. На примере российской традиции демонстрируется модель правового овладения силой, где право призвано не просто ограничивать власть, но и одухотворять ее, подчиняя высшим идеалам правды, справедливости и общего блага, укорененным в коллективном историческом опыте. Основной вывод заключается в том, что сила российского права зависит от его укорененности в национальной идентичности и традиционных ценностях, что требует соответствующей трансформации юридического образования и правовой доктрины.

Ключевые слова: право; сила; социокультурная идентичность; традиционные духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Кабышев С. В. Диалектика права и силы в контексте современных вызовов и российского социокультурного опыта. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 10–17. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.010-017

Dialectics of Law and Coercion in the Context of Contemporary Challenges and the Russian Socio-Cultural Experience

Sergey V. Kabyshev

State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines a central issue of contemporary discourse — the dialectical relationship between law and coercion. The author criticizes the liberal paradigm that reduces this relationship to a binary opposition (antagonism), ultimately describing law as an instrument for safeguarding individual liberty and coercion as a threat. In the author's view, such an approach leads to a crisis in legal understanding, a disjunction between formal legislation and the deeper foundations of law, as well as a loss of state subjectivity and collective purpose. Conversely, the author advances the view that law and coercion constitute interdependent principles: law necessitates coercion to secure its enforceability, whereas coercion necessitates law to confer legitimacy upon its application. The key to their harmonious synthesis, according to the author, lies in taking into account the national socio-cultural context. Using the Russian tradition as an example, the author elucidates the model of «law mastery over coercion», in which law is intended not merely to limit coercion, but to imbue it with higher

ideals of truth, justice, and the common good, rooted in the collective historical experience. The main conclusion is that the strength of Russian law depends on its rootedness in national identity and traditional values, which necessitates a corresponding transformation of legal education and legal doctrine.

Keywords: law, coercion, socio-cultural identity, traditional право; сила; социокультурная идентичность; traditional spiritual and moral values

Cite as: Kabyshev SV. Dialectics of Law and Coercion in the Context of Contemporary Challenges and the Russian Socio-Cultural Experience. *Lex russica*. 2025;78(12):10-17. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.010-017

Право и сила: центральная проблема современной политико-правовой жизни

Соотношение права и силы представляет собой центральную и всё более усложняющуюся проблему современной политико-правовой жизни, которой определяются подходы к пониманию и легитимности власти, целям и границам свободы и самой природе социального порядка. Происходящие в глобальном масштабе стремительные изменения ведут к отставанию права, не успевающего ухватить тенденции современности в своем категориальном аппарате и испытывающего серьезные сложности в сфере прогнозирования, что порождает обширные ареалы правового дефицита, заполняемые неправовыми (произвольно-силовыми) регуляторами. Охарактеризовав более 10 лет назад эту ситуацию как «концептуальный шок» перед лицом «турбулентно-хаотической реальности», В. Д. Зорькин обратил внимание на возрастающую потребность в системном переосмыслении национальных и международных правовых систем с позиции философии права в его актуальном, динамическом соотношении с силой¹. Однако и сегодня, в куда более решительно требующих этого условиях, данный рубеж остается не взятым современной отечественной юриспруденцией, которая в целом всё еще находится на дальних подступах к нему. Обостряемая сжатием исторического времени и умножением глобальной неопределенности, данная проблематика проявляется не только в геостратегическом измерении права. Она обнажает разноплановые процессы ценностно-мировоззренческой дезориентации, свойственные не одной лишь российской правовой доктрине в условиях краха универсалистской парадигмы «конца истории» и глубинных структурных противоречий, присутствующих доминировавшей долгое время либеральной концепции.

Идея о конечной победе либеральной демократии как единственной легитимной модели, требующей лишь технического распространения институтов, оказалась иллюзией, прикрывающей политико-идеологический и экономический экспансионизм. Последующие попытки Ф. Фукуямы выйти из положения за счет технократической интерпретации категории сильного государства² не сняли, а усугубили эту тенденцию. Предложенный им подход, в соответствии с которым государство следует квалифицировать как сильное в аспекте качества его институтов, обеспечивающих эффективное и легитимное исполнение законов, тогда как расширение сферы его влияния становится оправданным по мере их роста и укрепления, может показаться нейтральным с точки зрения самого состава реализуемых государством задач.

В действительности соответствующее видение сильного государства практически неотделимо от набора институтов, выросших из западного опыта. За этим скрываются всё тот же нормативный универсализм и европоцентризм, и фактическое увязывание сильной государственности (с признанием именно за ней обоснованной широты охвата сфер влияния) с «успешными» западными демократиями явно ориентирует на иерархию государств, где находящиеся «внизу» так называемые неудавшиеся или слабые государства могут претендовать на нечто большее, только если сообразуются с соответствующей морально-политической идентичностью. Логика «ваши институты слабы, мы поможем вам построить сильные (читай: наши)» отражает цели легитимации неокolonиального вмешательства, игнорирует суверенное равенство и подразумевает насаждение чуждых моделей.

Понимаемое таким образом «сильное государство» оказывается, по существу, карликом в стратегическом отношении, менеджером ин-

¹ Зорькин В. Д. Право силы и сила права // Судья. 2015. № 8. С. 49–59.

² Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ, 2006.

дивидуальных интересов, неспособным (и не стремящимся) выступать как полноправный цивилизационный субъект, утверждающий содержательные коллективные цели, что ведет к кризису его субъектности. Произвольно возводя индивидуальную автономию в абсолютный и первичный принцип и систематически подчиняя ему ценности солидарности, традиции и общего блага, такое государство, с одной стороны, отказывается от роли выразителя коллективной исторической воли и нравственного ориентира, но, с другой стороны, неизбежно воплощает и реализует тот возрастающий объем морально индифферентной силы (различных форм контроля и принуждения), который необходим для утверждения переменчивых форм личной идентичности и насаждения толерантности к ним.

С этим связан кризис правовой формы: разрыв между формальной, позитивной законностью (легальностью), основанной на процедурно корректно принятых нормах, и подлинными правовыми устоями (правом в его культурно-онтологическом смысле), укорененными в историческом опыте, этических императивах, социально-коллективной идентичности народа. Право, редуцированное до закона как инструмента для защиты индивидуального выбора и интересов, теряет связь с фундаментальными представлениями о справедливости, долге и истине, разделяемыми обществом, становится внешним регламентом, а не внутренним императивом жизни людей, что ведет к его отчуждению, падению авторитета и, как следствие, росту силы как единственного в конечном счете аргумента в ситуациях, где закон, по сути, перестает быть выражением общей воли.

Образуемый в условиях рационально-индивидуалистической западной парадигмы ценностный вакуум и отрицание присущей государству коллективной субъектности на национальном уровне проецируются на глобальную сферу, где обретает новую актуальность отмеченное С. Хантингтоном «столкновение цивилизаций». Дефицит общего нормативного языка и взаимного доверия между государствами, представляющими собой крупные социокультурные целостности, приводит к тому, что сила лишается единого для всех легитимирующего основания, применяется в одностороннем порядке. Однако ошибочно видеть в

этом конфликте лишь столкновение традиции и современности. Речь идет о конфликте различных проектов современности, каждый из которых предлагает свое видение соотношения права, силы, общего блага. Данное противоречие находит концентрированное выражение в концепции миропорядка, основанного на правилах, которая стала ключевой доктриной западной внешней политики и несет в себе фундаментальный конфликтный потенциал³.

Порядок, основанный на правилах, не только не когерентен международному праву, но и выступает по отношению к нему как антитеза. Если международное право является согласованным выражением воли равноправных суверенных государств, то указанный порядок зиждется на нормах и стандартах, формируемых и интерпретируемых ограниченной группой государств, считающих себя хранителями этих правил в силу своего превосходства, проистекающего из уникального цивилизационного или политического статуса. Таким образом, допустимость применения силы определяется не тем, соответствует ли оно общепризнанному праву, а соответствием партикулярным правилам, толкование которых становится инструментом доминирования. Эта система институционализирует неравенство, возводя произвольное право сильнейшего в ранг юридической и моральной легитимности.

Как видим, диалектика права и силы проходит через период острых коллизий, выражающихся в системном кризисе правопонимания, сложившегося под воздействием идеологической и фактической экспансии либеральной модели, включая такие его измерения, как антропологический и ценностный кризис (абсолютизация индивидуальной свободы, подрывающая основы коллективной субъектности государства), цивилизационный кризис легитимации (отрицание ценности нелиберальных политико-правовых моделей), внутренний правовой кризис (разрыв между формальным законом и глубинными правовыми устоями на национальном уровне, который лишает право его духовно-интегрирующей функции). Данные коллизии выходят далеко за пределы того, что можно было бы свести к дилемме между правом и произвольно-насильственным принуждением, притом что и сам характер силы, насилия сегодня подвергается значительным качествен-

³ Нефедов Б. И. Когда и почему возникла доктрина «Международный порядок, основанный на правилах» // Московский журнал международного права. 2024. № 3. С. 6–16.

ным изменениям, приобретает новые, нефизические и гибридные, формы.

При небывалой разветвленности, детализации, всепроникающем характере и формальной развитости современного права существует парадоксальная двойственность, когда точки напряжения возникают и множатся на уровне осознания ценности и преимуществ самой по себе правовой силы. Хотя ценность права никак не отрицается напрямую, оно находится сегодня в условиях умножающихся неопределенностей и разноуровневых конфликтов, под серьезной угрозой вытеснения или подмены неправовыми интерпретациями и практиками.

Требуют глубокого осмысления вопросы, связанные с пониманием современных источников формирования, выражения и обеспечения силы права: и сквозь призму соотношения правопорядков — международного, регионального, национального; и в аспекте взаимосвязей и коллизий между силой права и моральной, религиозной, экономической, корпоративной и иной силой; и в плане преодоления существующих различий в понимании того, из чего исходит сила права, характерных для разных отраслей российского права, в укрупненном виде — для отраслевых сегментов публичного и частного права. Стремительное развитие технологий (искусственный интеллект, киберпространство, биотехнологии) порождает новые формы силы, которые часто претендуют на автономию от традиционных правовых систем и создают вызовы в области суверенитета, приватности и человеческой идентичности.

Существует также масса других вопросов, в том числе относящихся к форме права, которые играют значительную роль в определении силы или, напротив, бессилия права, например вопросы о структурной целостности и лингвистической доступности права, технизации (технично-технологической детерминации) права под воздействием потребностей научно-технологического прогресса, распространении специальных (экспериментальных) правовых режимов и т.п.

Оставив в стороне многочисленные детали, особое внимание нужно уделить выяснению влияния на силу права методологического релятивизма, получившего широкое распространение в отечественной юриспруденции. В самом деле, можем ли мы рассчитывать на то, что право удержит свои регулятивные позиции, если встаем на путь экономического анализа права и, по сути, подменяем стремление к поиску

добра и справедливости расчетом прибыли и убытков? Есть ли шанс сохранить социально-гуманистическое ядро правопонимания и социальную ценность права, если поддадимся искушению его технизации, ведущей в конечном итоге к трансгуманизму?

От антагонизма к диалектике:

право и сила как взаимозависимые начала

Либеральная парадигма, восходящая к Гоббсу, Локку и Веберу, склонна рассматривать силу как изначальную угрозу, которую право призвано ограничить и обуздать, дабы обеспечить безопасность и автономию индивида. В этой логике право выступает сторожем, устанавливающим процедурные рамки для применения легитимного насилия со стороны государства. Однако такой подход рискует редуцировать сложность взаимоотношений этих двух начал до неплодотворной оппозиции.

Прежде всего, в качестве отправного пункта рассуждений важно зафиксировать достаточно очевидное. Право как таковое объективно нуждается в силе, а если говорить точнее, то в публично-властной силе, которая придает ему необходимо-всеобщую форму и исполнимость, обеспечивает за счет принудительного подкрепления реализацию правового регулирования. Неоправданное ослабление или тем более исчезновение силового публично-властного фактора может привести к деградации формального равенства и породить такие одинаково опасные угрозы, как, с одной стороны, декларативность, несбыточность, неосуществимость свободы, а с другой — оголтелость свободы, ее самодовлеющий и разрушительный характер.

Следствием дефицита силового публично-властного фактора являются не только дефекты в механизме действия права, но и риски эрозии самой его сущности. Потому что право объективно требует не просто признания, а соблюдения определенной, равной для всех меры свободы и применения связанных с этим мер выравнивания, чтобы обеспечить справедливые и равные условия пользования правами и свободами. Право же, лишенное публично-властного подкрепления, может превратиться либо в пустышку, либо в произвол, в право партикулярной, кулачной силы. Право мертво, отмечает Г. М. Вельяминов, если исполнение его не обеспечивается принудительно, а сво-

бода вне права — не свобода, но беспредел, анархия, бесправие; правовые нормы — только те, которые в той или иной форме «освящены» государственной властью и таким образом и обеспечивают, и ограничивают свободу в рамках права⁴. Вместе с тем абсолютизация фактора силы при неизбежно существующих тенденциях к росту власти сама по себе создает угрозы для права. Под воздействием доминирования силы право может приобретать черты сугубо инструментального характера, т.е. превращаться в придаток и средство реализации любой политической воли и целесообразности. В этом плане требует глубокого осмысления тезис о том, что суть правового государства состоит в таком соединении силы с правом, которое обеспечивает власть права на всем пространстве действия Конституции⁵.

Разрешение коллизий, возникающих в диалектике права и силы, не может быть достигнуто за счет механического подавления одного начала другим. Представление о сущностном антагонизме права и силы — контрпродуктивная абстракция. В действительности такая ситуация есть социальная утопия или, напротив, описание тоталитарного хаоса. Произвольное нивелирование силы ведет к беспомощности права перед лицом новых угроз, тогда как отрицание права в пользу «эффективной» силы возвращает к архаике насилия. Принципиально важно и то, что сама сила в своем стремлении к устойчивости и легитимности остро нуждается в праве, требует нормативного оправдания, оформления в формы закона, которые трансформируют силу в обоснованное и признаваемое принуждение. Необходим продуктивный синтез, учитывающий и усложняющий понимание самой силы, которая сегодня всё реже сводится к вульгарному физическому насилию, проявляясь скорее как технологическое, экономическое, информационное могущество.

Вопросы диалектики права и силы должны решаться не в абстрактно-отвлеченном виде, а на конкретно-национальной основе, с учетом специфики социокультурной среды. Более того, есть все основания полагать, что учет или игнорирование национальных социокультурных традиций — это ключевой фактор, который

либо усугубляет дилемму между силой права и правом силы, либо служит механизмом ее смягчения и нахождения баланса. Иными словами, социокультурный аспект образует, по существу, центральную ось, вокруг которой вращается весь конфликт. Если право (особенно в его универсалистской, либеральной трактовке) так или иначе навязывается извне, оно воспринимается как чуждая (или даже колониальная) сила, которая не обладает социальной легитимностью, порождает сопротивление и нигилизм, своего рода дуальную нормативность, когда при формальном соблюдении закона фактическое регулятивное и юрисдикционное воздействие осуществляется через неформальные, неофициальные институты.

Следует согласиться с тем, что в современных геополитических реалиях, трансформация которых идет по пути формирования конкурирующих в глобальном пространстве крупных цивилизационных образований, свои претензии на самостоятельное место в этом пространстве смогут подтвердить лишь те мировые игроки, которые сумеют возродить сакральные основы своей цивилизационной идентичности и продемонстрировать их конструктивный потенциал⁶. Напротив, во многом именно резкое ослабление, игнорирование социокультурного фактора и национальных традиций в правовопонимании, подрывающее представления о справедливости позитивного права, ведет, как мы могли наблюдать в конце прошлого века, к росту сепаратизма и претензиям на конкурирующую роль квазигосударственных (либо антиправовых) институтов.

Российский социокультурный опыт: правовое овладение силой на основе традиционных ценностей

В поиске ответов на современные вызовы российской интеллектуальная и политико-правовая традиция предлагает уникальный опыт решения задачи сопряжения права и силы. Примечателен факт такого сопряжения уже в самом языке: власть — «право, сила и воля над чем-либо, свобода действий и распоряжений; начальствова-

⁴ Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. М. : Статут, 2015. С. 168.

⁵ Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб. : Конституционный Суд РФ, 2024. С. 74.

⁶ Лапаева В. В. Перспективы становления российского государства-цивилизации в фокусе философско-правового подхода // Государство и право. 2025. № 12. С. 9.

ние, управление»⁷; право — «данная кем-либо или признанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в условных пределах»⁸.

В отличие от западной модели, где акцент сделан прежде всего на ограничении, отечественная мысль исторически развивала идею **правового овладения силой**. Суть этого подхода заключается в том, что право призвано не просто сдерживать государственную мощь, но и одухотворять ее, превращая в инструмент достижения высших коллективных целей, будь то воплощение социальной справедливости, защита цивилизационной идентичности или нравственное преобразование общества. Эта парадигма предполагает неразрывную связь силы с содержательным идеалом правды и справедливости. Сила легитимна не ввиду одной лишь формальной легальности, а постольку, поскольку служит этому идеалу. Представляет интерес предложенная В. В. Лазаревым национально-контекстная трактовка конституционализма, для которого связывание (ограничение) власти — не единственная и не самая главная цель, но который призван также дать возможности для свободного и творческого осуществления власти, чтобы обеспечивалось комфортное, свободное и безопасное осуществление жизненно важных функций человека и общества⁹. Право в таком понимании не просто включает в себя силу и придает ей легитимность, но и дисциплинирует ее в духовно-нравственном качестве.

Так, И. А. Ильин, первоначально разграничив в методологическом плане право и силу как принадлежащие к индифферентным категориальным рядам (идеально должного и социологически сущего)¹⁰, в дальнейшем философски синтезировал их в работах «О сущности правосознания»¹¹ и «О сопротивлении злу силой»¹², связав сущность права прежде всего с духом правоты, справедливости, постижение которого делает право творческой жизненной силой, оформленной в объективной норме, а силу, соответственно, представив как необходимое

«тело», без которого право как живой социальный институт существовать не может.

Стоит подчеркнуть, что в советской юридической доктрине зрелого периода само по себе право раскрывалось как преобразующая сила, направляемая научно познанными историческими закономерностями и призванная возвысить нового человека в прогрессивном обществе. Это уникальная задача, обозначающая радикальный разрыв с либеральной трактовкой, но в то же время корреспондирующая с традицией, когда право должно было нравственно облагородить общество, наполнить свободу позитивным смыслом. Если отбросить в сторону политико-идеологические аспекты, не будет большим преувеличением сказать, что советское право как таковое (а в не отдельных отраслевых компонентах) служило правом научно-исторического прогресса.

В этом плане ключевой вызов, стоящий перед современной российской юриспруденцией, сводится к достижению того, чтобы в доктринальном, регулятивном и собственно прикладном плане российское право в полной мере обрело свои культурные корни и тем самым окрепло и усилилось на национальных основаниях. Учет традиций — не уступка архаике, а стратегия укоренения права в национальной почве, что является, по существу, единственно прочным фундаментом для его силы. Это требует концентрации всей юриспруденции как на общетеоретическом и конституционно-правовом уровне, так и в межотраслевом разрезе.

Говоря иначе, вопрос силы российского права — это вопрос идентичности национальной правовой системы, которая находится в преемственном развитии. Поэтому было бы ошибкой решать его путем разделения традиционных и модернистских ценностей и категорий российского права с последующим поиском между ними приемлемого равновесия, компромисса. Например, вряд ли конструктивно противопоставлять в указанном контексте ценность индивидуальной автономии человека и ценность единения российской государственности на

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Тип. А. Семена, 1863. Ч. 1. С. 188.

⁸ Даль В. И. Указ. соч. С. 343.

⁹ Лазарев В. В. Об интегративном понимании конституционализма // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 39–53.

¹⁰ Ильин И. А. Понятие права и силы (опыт методологического анализа). М. : Типо-лит. т-ва «И. Н. Кушнерев и К», 1910.

¹¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993.

¹² Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. М. : Русская книга, 1996.

основе традиционных духовно-нравственных идеалов. Традиционные духовно-нравственные ценности не могут рассматриваться как изолированный фактор публично-социальных отношений, не присутствующий в правовой жизни человека, действующего в приватной сфере. Ведь речь идет об установках правосознания, о ценностно-мировоззренческих категориях, которые пронизывают всю правовую жизнь, все ее составляющие.

Другое дело — как, в каком виде мы воспринимаем соответствующие традиции сегодня. И разумеется, речь не может идти о пассивном следовании их интерпретации, сложившейся на том или ином историческом этапе в прошлом. Традиция представляет собой живое явление и потому подразумевает разумную адаптацию через конституционный диалог с прошлым. Необходимо не копирование того, что было, а восприятие существа нормативного подхода, служащего целям социальной гармонии и согласия, укреплению российской государственности с учетом существующих стратегических приоритетов.

Таким образом, российский опыт демонстрирует, что плодотворный синтез права и силы возможен не через их противопоставление, а через подчинение силы высшему нормативному содержанию, укорененному в национальной культурной традиции и коллективном историческом выборе. Данный путь служит альтернативой как чистому правовому идеализму, так и силовому прагматизму, предлагая модель, в которой право выступает смыслом, а сила — его ответственной и легитимной реализацией.

Особое значение имеет последовательная интеграция цивилизационного подхода в содержание юридического образования, призванная раскрыть уникальность и органичность российского исторического пути, культурного кода и системы ценностей и на этой основе показать, что российское право не является калькой каких-либо зарубежных моделей, а имеет собственные естественные предпосылки и основания.

Требуется существенного усиления как по объему, так и по качеству комплекс фундаментальных юридических дисциплин, включающих философию, теорию и историю права и государства, а также отечественное конституционное право. В рамках этого блока, определяющего и закладывающего суть профессионального правопонимания и национального юридического мировоззрения, должны осуществляться в единой связи апологическая функция в части обоснования собственных ценностей российской правовой системы, базирующейся на идеях правды и справедливости, и одновременно критическая функция, в особенности по отношению к рационально-индивидуалистическим типам правопонимания. Очевидно, необходимо уделить внимание критике концепции так называемого естественного права как якобы универсальной. Между тем для отечественного правопонимания всегда была характерна взаимосвязь понимания права с долгом, служением и общей правдой, что не ставит под сомнение важность индивидуального начала, но определяет его позитивно-смысловую и социальную направленность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. М. : Статут, 2015. 1006 с.
- Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб. : Конституционный Суд РФ, 2024. 352 с.
- Зорькин В. Д. Право силы и сила права // Судья. 2015. № 8. С. 49–59.
- Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. М. : Русская книга, 1996. 608 с.
- Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.
- Ильин И. А. Понятие права и силы (опыт методологического анализа). М. : Типо-лит. т-ва «И. Н. Кушнерев и К», 1910. 38 с.
- Лазарев В. В. Об интегративном понимании конституционализма // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 39–53.
- Лапаева В. В. Перспективы становления российского государства-цивилизации в фокусе философско-правового подхода // Государство и право. 2025. № 12. С. 7–15.
- Нефедов Б. И. Когда и почему возникла доктрина «Международный порядок, основанный на правилах» // Московский журнал международного права. 2024. № 3. С. 6–16.
- Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М. : АСТ, 2006. 220 с.

REFERENCES

- Fukuyama F. State Building. Governance and World Order in the Twenty-First Century. Moscow: AST Publ.; 2006. (In Russ.).
- Ilyin IA. Resistance to evil by force. Moscow: Russlaya kniga (Publ.), 1996. (In Russ.).
- Ilyin IA. About the essence of legal awareness. Moscow: Rarog Publ.; 1993. (In Russ.).
- Ilyin IA. The concept of law and force (attempted methodological analysis). Moscow: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K. Publ.; 1910. (In Russ.).
- Lapaeva VV. Prospects for the Formation of a Russian State-Civilization in the Focus of a Philosophical-Law Approach. *The State and Law*. 2025;1:7-15. (In Russ.). DOI: 10.7868/S3034543X25120018.
- Lazarev VV. On the Integrative Understanding of Constitutionalism. *Journal of Russian Law*. 2023;6:39-53. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrp.2023.050.
- Nefedov BI. When And Why the Doctrine of A «Rules-Based International Order» Emerged. *Moscow Journal of International Law*. 2024;3:6-16. (In Russ.).
- Velyaminov GM. International law: experiments. Moscow: Statut Publ.; 2015. (In Russ.).
- Zorkin VD. Law of Force and the Force of Law. *The Judge*. 2015;8:49-59. (In Russ.).
- Zorkin VD. Lectures on law and the state. St. Petersburg: Constitutional Court of the Russian Federation; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабышев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Kabyshev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

*Материал поступил в редакцию 25 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 13 ноября 2025 г.
Принята к печати 15 ноября 2025 г.*

*Received 25.11.2024.
Revised 13.11.2025.
Accepted 15.11.2025.*